

Славяноведение, 2023, № 4, с. 78–90

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 78–90

DOI: 10.31857/S0869544X0026708-1

Оригинальная статья / Original Article

Александр Митрофанович Федоров
в творчестве болгарского писателя Стилияна Чилингирова

© 2023 г. Христо Манолакев

Велико-Тырновский университет им. свв. Кирилла и Мефодия
(Велико-Тырново, Болгария)

h_manolakev@abv.bg

Статья написана при финансовой поддержке Фонда научных исследований
Болгарии в рамках Научного проекта № КП-06-ОПР 05/1 (17. XII. 2018)

Аннотация. 26.XII.1919 г. известный русский писатель А.М. Федоров (1868–1949) сходит на пристань Варна, спасаясь от большевистских погромов в Одессе. До конца своего земного пути, почти тридцать лет, он остается в Болгарии. Недавно стали системно исследовать его «болгарские годы». Основной источник этих исследований – написанные в 1950 г. специально о Федорове воспоминания его болгарского друга, писателя Ст. Чилингирова. Впервые в науке в связи с биографией этого русского писателя исследуется и роман Ст. Чилингирова «Мундир без погон» (1928). Цель статьи: раскрыть, как два различные по жанру произведения – мемуары и роман, взаимно дополняясь, представляют А.М. Федорова как человека и писателя. Излагается тезис, что хотя они и богаты сведениями, но показывают Федорова единственно в свете болгарских переживаний бытия эмигранта, не создают целостный портрет его присутствия в Болгарии.

Ключевые слова: А.М. Федоров, первая волна русской эмиграции, «Русская София».

Ссылка для цитирования: Манолакев Хр. Александр Митрофанович Федоров в творчестве болгарского писателя Стилияна Чилингирова // Славяноведение. 2023. № 4. С. 78–90. DOI: 10.31857/S0869544X0026708-1

Alexander M. Fyodorov in the Works
of Bulgarian Writer Stilian Chilingirov

© 2023. Hristo Manolakev

St. St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo
(Veliko Tarnovo, Bulgaria)

h_manolakev@abv.bg

The article is written with the financial support of the Scientific Research Fund of Bulgaria within the Scientific project № КП-06-ОПР 05/1 (17. XII. 2018)

Abstract. On 26th December, 1919, the renowned Russian writer A.M. Fyodorov (1868–1949) fleeing the Bolshevik pogroms in Odessa, landed at the port of Varna. He stayed in Bulgaria for almost thirty years until the end of his life. It is only recently that his «Bulgarian years» began to be systematically studied. The memoirs of his Bulgarian friend, the writer Stilian Chilingirov, which were written in 1950 and specially dedicated to Fyodorov, have been the primary source of information for that studies. For the first time in science Chilingirov's novel «Shinel bez pagoni» («A Greatcoat Without Epaulettes») (1928) is studied in connection with the biography of the Russian writer. The aim of the article is to reveal how two different genre works, a memoir and a novel, complementing each other, picture A.M. Fyodorov as a man and a writer. The thesis is that although rich in information, the works reveal Fyodorov only in the light of the Bulgarian experiences of his emigrant life, without drawing a detailed picture of his presence in Bulgaria.

Keywords: A.M. Fyodorov, first wave Russian emigration, «Russian Sofia».

For citation: Hristo P. Manolakev. Alexander M. Fyodorov in the Works of Bulgarian Writer Stilian Chilingirov // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 4. P. 78–90. DOI: 10.31857/S0869544X0026708-1

Всего несколько десятилетий тому назад имя Александра Митрофановича Федорова (1868–1949) не было известно даже специалистам по русской литературе в Болгарии. Годы, проведенные им в Софии, стали систематически изучаться только в последнее время. Основной причиной слабого научного интереса к этому автору является скудость документальных сведений о его жизни и деятельности, наличествующих в наших архивах. Материалы о Федорове, а именно: рукописи, отдельные письма, отрывочные заметки, газетные вырезки публикаций — его и о нем, в основном сохранились в личном архиве болгарского писателя Стилияна Чилингирова. Среди самых интересных материалов этого архива следует упомянуть «Воспоминания» Чилингирова о Федорове. Написанные в начале 1950-х годов, они содержат ценную информацию о пребывании русского писателя в Софии, что превращает их в основной источник для изучения его жизни в Болгарии.

Исследователи стремятся как можно полнее восстановить *фактологическую* сторону пребывания Федорова в Болгарии, поскольку сведений о его жизни недостаточно. Именно поэтому очень часто «Воспоминания» рассматриваются с эмпирической точки зрения только как источник информации о русском писателе и почти дословно воспроизводятся исследователями. То обстоятельство, что «Воспоминания» по своему характеру выражают *субъективные впечатления* Чилингирова, особо не комментируется. Не ставится под сомнение факт, что они являются результатом многолетней дружбы между писателями, и это, в свою очередь, неизбежно сказывается на выборе описываемых событий и идеологии их интерпретации. К настоящему моменту, однако, «Воспоминания» не осмыслились с точки зрения их имманентной репрезентативности.

Чилингиров рассказывает о Федорове и в другом своем тексте — русский писатель является прототипом одного из второстепенных персонажей романа «Мундир без погон» («Шинел без пагони»)¹ (1924). Однако значение этого произведения для возможной реконструкции биографии Федорова до сих пор не изучалось.

¹ Перевод заглавий и всех цитат из романа «Мундир без погон» и «Воспоминаний» Чилингирова на русский язык мой. — Х.М.

Безусловно, речь идет о двух разных типах дискурса — документальном и условно-художественном, но я ставлю целью проанализировать, какой образ Александра Федорова, писателя и человека, создает Чилингилов в этих произведениях.

«Мундир без погон» — второй роман С. Чилингилова². Сюжет повествует о жизни русских эмигрантов сразу после их прибытия в Болгарию. Среди второстепенных персонажей — писатель Федор Александрович Мерцалов и его друг, художник Александр Владимирович Нилов. В именах двух героев легко обнаруживаются ассоциации с писателем Александром Митрофановичем Федоровым и художником Петром Александровичем Нилусом³. На явную связь с реальными личностями указывает и совпадение их профессий, маршрут их передвижения (из Варны в Софию), равно как и тот факт, что почти сразу по прибытии в Болгарию они представили свои произведения на суд местной публике, которая с восторгом приняла их выступления. Во второй части романа, действие которой происходит в Софии, Мерцалов уже становится учителем гимназии и, подобно Федорову, вначале с трудом адаптируется к преподавательской работе. Эти соответствия подсказывают, что информацию, относящуюся к образу Мерцалова, можно считать документально точной.

Чилингилов стремится нарисовать достоверную социально-психологическую картину несчастливой судьбы русских изгнанников. Такова его творческая задача, что дает основание критике определить «Мундир без погон» как роман-хронику [Димитров 2010, 153]. Из «Воспоминаний» мы узнаем, что автор лично и с вниманием наблюдал за присутствием эмигрантов в Софии [Чилингилов 2010, 165–176]. Но это был взгляд извне, взгляд, обусловленный критическим мышлением социального антрополога. С такой оптикой можно проникнуть в контекст, но сочинить роман нельзя. Сюжет романа требует более четкого художественного горизонта, отличного от описания общей панорамы. Вот почему нетрудно предположить, что Чилингилова-писателя вдохновили заняться этой «не-болгарской» темой именно его встречи с Федоровым. Общение с ним открыло ему иной, неизвестный и недоступный иностранцу, ракурс жизни «русской Софии» с драматическими историями загубленных судеб и социальных катастроф, униженной гордости и задетого самолюбия. Из этих совершенно различных — эмоционально и мировоззренчески — реальных впечатлений и выросла идея центральной метафоры, *мундира без погон*, пронизывающей судьбу всех персонажей.

Мундир без погон — это военная или форменная одежда, с которой сняты обозначения служебного чина и родовых традиций. Следовательно, мундир *без погон* — это знак отсутствия иерархии, т.е. социальное обезличение и разрыв с прошлым. Здесь это прошлое запрещено (с точки зрения болгарских властей)

² В своих «Воспоминаниях» Чилингилов отмечает, что важную роль в том, чтобы он обратился к жанру романа, сыграли А.М. Федоров и Нестор Котляревский. Однажды в застольной беседе, с интересом выслушав рассказанную им историю, они уговорили его преодолеть свой страх и трансформировать ее в сюжет романа. Так они стали «крестными отцами» его первого романа «Хлеб наш насущный» (1924), за что Чилингилов особо благодарил их в посвящении [Чилингилов 2010, 177–178]. В переизданиях романа посвящение было снято издателями [Димитров 2010, 152–153].

³ А.М. Федоров прибыл в Болгарию 26 декабря 1919 г. на пароходе «Витязь», державшем курс из Одессы в Варну. Вместе с ним приехал и художник П.А. Нилус (1869–1943). Они были друзьями еще по Одессе, на пароходе встретились случайно. В Болгарии они все время были вместе и не разлучались до 1923 г., когда после скандала с болгарскими художниками по поводу своей выставки Нилус уехал в Париж.

и бесполезно (в восприятии русских); для тех же из них, кто хочет приспособиться к новой социальной реальности, оно ненужно.

В художественном мире романа, конечно, неслучайно первоначальное функционирование метафоры прямо связывается с действиями Мерцалова (Федорова). Его участие в сюжете (разумеется, вместе с Ниловым/Нилусом) опосредовано размышлениями главного героя князя Андрея. Он никогда не видел Мерцалова и Нилова, но он противостоит их действиям, и в его сознании возникают своеобразные силуэты с *четко определенной* идеологической позицией. Это приводит князя к нервному срыву, тем более что они осмелились пренебречь сословными нормами:

«И в самом деле, кто они, эти люди? Никто. [...] люди без служебного ранга, без отличий за заслуги, без родовых традиций. И тем не менее их имена стали переходить из уст в уста, а на улице их встречали и провожали почтительными взглядами. Но они на это обращали мало внимания. Относились они небрежно и к своей внешности: помятая одежда, небритые лица, шляпы с помятыми полями. Вдобавок вместо того, чтобы потребовать у горожан и своих соотечественников того, что, как они сами считали, им полагается, они растворились в этой пестрой толпе, одинаково общаясь и с состоятельными, и с неимущими. Вместе со всеми они тоже суетились туда-сюда, пытались заработать что-нибудь, что сделало бы их жизнь намного сноснее» [Чилингиров 1928, 105].

Мы можем усомниться в истинности этой характеристики из-за ее книжного романтизма. Но в ней смысловой акцент ставится на изменении сознания человека — очевиден социально-психологический настрой приспособиться к новым условиям, чтобы выжить. Именно это и есть настоящее событие в цитируемом отрывке. Таким образом, автор выдвинул ценную идею для реконструкции биографии писателя-эмигранта: Мерцалов (Федоров) одним из первых осознал трагичную истину об их состоянии, о «мундире без погон», и стал целенаправленно приспосабливаться к новым социальным обстоятельствам.

Сквозь призму этого опыта мы рассмотрим вторую часть романа (действие уже происходит в Софии) и остановимся на эпизоде, в котором Мерцалов (Федоров) аргументирует свое решение остаться в Болгарии. Однажды он случайно встречается с главной героиней романа Верой Игнатовой. Поняв из его слов, что ему трудно выполнять свои обязанности учителя, она спрашивает, почему он не уйдет с работы. А он с удивлением ей отвечает: «Мне уйти? Что же я буду делать тогда?». Она рекомендует ему ехать «в Париж, например, или куда-нибудь еще, где можно будет посвятить себя целиком своему творчеству» [Чилингиров 1928, 265].

Отложенный отъезд в Париж и внутренние колебания поэта — мотивы, часто встречающиеся у тех, кто писал о Федорове. Первоисточником этой информации стали воспоминания Лиляны Шульц⁴. Она настаивает на том, что в письмах к своему другу И. Бунину Федоров обсуждал идею переезда во Францию. Но Чилингиров, как видим, утверждает совсем другое. Из контекста видно, что у Мерцалова (Федорова) нет никаких колебаний в решении

⁴ По всей вероятности, кроме личных впечатлений, в ее воспоминаниях зафиксирована и точка зрения ее матери Невяны Желязовой. Из них становится ясно, что сразу после приезда в Софию Федоров поселился в доме полковника Димитра Желязова, скончавшегося в 1928 г. После его смерти Федоров остался жить в семье Желязовых. Вероятнее всего, экземпляр воспоминаний Л. Шульц («Мои воспоминания о А.М. Федорове»), объемом не менее 15 машинописных страниц, был передан вместе с архивом в Одесский литературный музей [Лушик 1999, 253]. Однако эти воспоминания до сих пор не опубликованы. Некоторые исследователи (Н. Гичева, О. Решетникова) имели возможность общаться с Л. Шульц и использовали ее воспоминания в своих работах, но не цитировали их в библиографической ссылке [Гичева 2001; Решетникова 2022].

остаться в Болгарии. Он приводит несколько аргументов. Во-первых, духовная среда в Болгарии «своя», она близка русскому устроению [Там же, 265]. Во-вторых, он понимает, что нельзя отказаться от своего призвания. Выполняя обязанности учителя, Мерцалов продолжает свою миссию, он работает ради утверждения русской литературы и культуры [Там же, 265–266]. Наконец, присутствует и трезвая прагматическая оценка всех плюсов и минусов жизни в Париже и в Софии, оценка, основанная на информации о множестве пережитых разочарований:

«Он достал несколько помятых конвертов [...], на которых ясно виднелись парижские почтовые штемпели. — Мне кажется, что в этих строках больше правды [...] Они меня учат только одному: человек может позволять себе капризы только на родине [...] Во всех других местах он должен быть реалистом и с умом выверять каждый свой шаг. Падение дома может стать началом подъема, а на чужбине — началом нового падения» [Там же, 266].

Сомневаться в этой информации трудно. Тем более в том случае, когда прототип был первым читателем произведения: Федоров вряд ли бы согласился, несмотря на очевидную литературность изображаемого, на какое-либо «отклонение» от реально произошедшего с ним самим, включая такую важную деталь, как причина отказа от переезда в Париж. А психологическая убежденность и непоколебимость отстаиваемой позиции придают Мерцалову героический ореол и раскрывают его как личность с сильным характером. Возможна, однако, и другая интерпретация. В то время, в середине 1920-х годов, оба писателя общались очень интенсивно. Только на фоне всех событий Чилингилов выбирает для художественного изображения лишь одно из них. А это, со своей стороны, дополнительно привносит идеологические смыслы (трагическая предопределенность принятого решения) в дискурс реальной биографии. Вот почему в рассмотренном эпизоде изложенные аргументы, включающие нетрадиционную, на первый взгляд, для русского человека прагматическую оценку поступка, становятся внутренним, настоящим событием.

Воспоминания Ст. Чилингилова о А. М. Федорове⁵ являются единственным болгарским достоверным свидетельством о пребывании русского поэта в нашей стране.

Понимание трагической судьбы художника и вытекающая из этого убежденность в необходимости сохранения памяти о нем становятся главной целью их создания. Равнодушие победившего нового политического режима к этому «иному» искусству, отличному от соцреализма, мемуарист противопоставляет своей сознательный художественный опыт поклонника творчества Федорова, свое понимание его эстетической значимости и свое желание сохранить в тексте жизнь, отданную слову. Такой была настоящая цель этих воспоминаний, написанных в обстоятельствах, когда говорить с уважением и сочувствием о судьбе «белогвардейца» вовсе не означало проявить мудрость и благоразумие.

Первая встреча Федорова и Чилингилова и траурная речь, произнесенная Чилингиловым на похоронах Федорова становятся событийными границами

⁵ Воспоминания Ст. Чилингилова были опубликованы болгарским исследователем русской эмиграции Э. Димитровым. По его мнению, они, вероятно, не предназначались для публикации, о чем свидетельствуют «пробелы в тексте и его общая литературная необработанность» [Димитров, Чилингилов 2010, 161]. Частично воспоминания Чилингилова были повторно опубликованы в 2020 г. в журнале «Библиотека», при этом автор Р. Пенчева не указала наличие первой публикации. Ее утверждение о том, что текст Чилингилова совершенно неизвестен публике, звучит, мягко говоря, странно на фоне существующих болгарских и русских исследований эмигрантской жизни А. М. Федорова [Пенчева 2020].

повествования воспоминаний. Это повествование отклоняется от хронологии, хотя соблюдается некая общая темпоральная последовательность. Местами мысль теряется, в других случаях она располагает события во времени без должной уверенности. С точки зрения фактологии и содержания, трудно воспринять этот текст в качестве биографии их дружбы.

Чилингиров строит свои воспоминания с опорой на определенные «мотивы». Каждый «мотив» обособляется и исчерпывается отдельным абзацем: «первая встреча с Федоровым»; «бегство из Одессы»; «размещение в Софии»; «встречи с болгарской интеллигенцией»; «пребывание в Болгарии»; «Антология болгарской поэзии»; «Федоров и болгарские писатели»; «социализация — Федоров и русская литература»; «Федоров — художник»; «Федоров и судьба его сына»; «последние годы»; «общая оценка творческого наследия»; «смерть и похороны»⁶.

Ограниченный объем статьи не позволяет представить в деталях все мотивы. В центре моего внимания будут те, осмысление которых вызывает разногласия среди интерпретаторов. В некоторых случаях будет поставлен акцент на новых фактах, которые обогащают существующую информацию о жизни поэта.

Бегство из Одессы. Чилингиров передает точку зрения самого Александра Митрофановича⁷. В его версии все происходило молниеносно: известный адвокат предупреждает его, что на него тайно готовится покушение, которое должно походить на случайное убийство; поддавшись естественному чувству самосохранения, охваченный паникой, он немедленно покидает город [Чилингиров 2010, 164]⁸. Необходимо подчеркнуть, что политические причины, толкнувшие к такому роковому выбору, здесь не обсуждаются открыто, а скорее внушаются подспудно с помощью контекста; они достаточно понятны⁹. В версии Федорова производит впечатление чрезмерная литературность рассказа, атмосфера загадочности и таинственности, окружающая беженца. А в надежности информации трудно удостовериться: некоторое время спустя тот самый адвокат был расстрелян большевиками. И еще один вызов нашему пониманию: он, Федоров, будто бы мгновенно бросился спасаться от большевиков, однако вдруг оказывается, что у него хватило времени разобраться в ситуации, раз он догадался взять с собой «почти все свои самостоятельно изданные произведения» (с. 193). Трудно соединить в логическую последовательность сиюминутное решение, панику и сообразительность?!

Приезд в Софию. По прибытии в столицу Болгарии Федоров и Нилус были более чем радушно встречены местными славянофильскими кругами. Мемуарист настаивает на том, что авторитет приехавших был так велик, что болгарская среда удостоила их особым вниманием (с. 164).

⁶ Беглое знакомство — в сравнительном плане — с болгарскими исследованиями о Федорове, дает основание с уверенностью констатировать факт, что образ русского писателя, который они пытаются создать, можно редуцировать до «аннотации» Чилингирова. Они настолько зависимы от «Воспоминаний», что даже заимствуют и подход их автора, «раскрывая» нам Федорова с помощью актуализации тех же мотивов!

⁷ Чилингиров хорошо знал эту историю, так как в 1926 г. Федоров опубликовал свои воспоминания о приезде в Болгарию, а Чилингиров переводил их на болгарский язык [Федоров 1926].

⁸ Далее ссылки на текст даются именно по этому изданию, соответствующие страницы указаны в круглых скобках.

⁹ На актуальности политических мотивов в выборе А.М. Федорова настаивает только О. Решетникова. Она автор трех статей о нем, но только в последней упоминает о значении этого обстоятельства для его бегства из Одессы. При этом ее утверждение не основывается на доказательствах, а источник информации не указывается [Решетникова 2022].

Пребывание в Болгарии. Чилингилов прокомментировал этот факт отдельно. Его толкование основывается исключительно на прагматических соображениях и учитывает необходимость социального выживания, что являлось величайшим испытанием для творческого духа в те времена. Федоров очень трезво рассуждает и выбирает безопасную жизнь, так как в Софии он почти сразу смог устроиться на работу (с. 178). В архиве Чилингилова сохранились отрывки из воспоминаний самого Федорова об их знакомстве. Русский писатель отмечает, что благодаря протекции Чилингилова еще в апреле 1920 г. он стал преподавать русский язык и литературу в Третьей мужской гимназии в Софии. А протекция была необходима хотя бы потому, что А.М. Федоров не завершил свое гимназическое образование (с. 198).

Словом, если принять железную логику болгарских чиновников из соответствующих ведомств, то большая часть оказавшихся в Болгарии представителей русской интеллигенции не соответствует «необходимым образовательным или практическим требованиям» (с. 178). Именно в таком аспекте Федоров трезво посмотрел на обстоятельства, понимая, что возможность существовать и выжить только за счет гонораров за литературный труд осталась безвозвратно в прошлом. Иначе говоря, он тайно подтверждает позицию, изложенную тридцать лет тому назад в романе «Мундир без погон» словами героя Мерцалова¹⁰.

Работа. Обособление этого «мотива» можно признать одной из творческих удач «Воспоминаний». Ежедневное преподавание русской литературы становилось для поэта единственной спасительной возможностью продолжать неизменно пребывать в *своей русской* литературе. Эта жизнь в литературе ради хлеба насущного и есть метафизика его духовного выживания в чужой среде.

«*Антология болгарской поэзии*». Воспоминания об этом издании содержат неожиданные факты. В 1924 г. в предисловии к ней Чилингилов восторженно оценил ее значение для истории болгаро-русских литературных отношений. Тогда его мнение выражало и официальную позицию — позицию самой болгарской литературы, к которой он, как творец и интеллигент, сознательно принадлежал. Фасад парадного дискурса не скрывает нелицеприятные истины, относящиеся к «кухне» во время работы над антологией — это и безобразные склоки между поэтами в связи с тем, кого кому предпочтет составитель, и недостойные финансовые ограничения со стороны чиновников Министерства просвещения, покусившихся на гонорар составителя. Но самое главное, на что обращает внимание мемуарист, — это боль и огорчение поэта-переводчика, вынужденного терпеть оскорбительные балканские интриги (с. 179).

«Антология» дает повод вспомнить и о связях Федорова с современными ему болгарскими писателями. Несмотря на то что писатель-эмигрант ставит их произведения высоко, в отношениях с авторами он сохраняет подчеркнутую дистанцию. Можно даже утверждать, что Федоров изолирует себя по эстетическим или политическим причинам. Он искренне ценит только троих: Ивана Вазова — как главного столпа национальной литературы, Кирилла

¹⁰ Существуют еще две версии, почему Федоров решил остаться в Болгарии. Эти причины можно найти в воспоминаниях Л. Шульц. Она настаивает на том, что главную роль в принятии решения сыграл Иван Вазов. На одной из их встреч болгарский народный поэт посоветовал Федорову отложить отъезд во Францию и учесть близость двух славянских языков, а также традиционный интерес к русской литературе в Болгарии [Гичева 2001, 239]. Вторая версия выдвигает на первый план интимные чувства Федорова к Н. Желязовой. И если Н. Гичева достаточно скупко говорит об их «духовной близости» [Там же, 239], то О. Решетникова категорически утверждает, что именно любовь является главной причиной того, что писатель остался в Софии [Решетникова 2022].

Христова — за исключительный талант и Цанко Церковского — за безыскусственность его поэзии.

На одном полюсе общения — встреча с Вазовым, проникнутая неожиданной холодностью и подчеркнутой дистанцированностью народного поэта от иностранца¹¹. На другом — разговоры с К. Христовым «за столом», которые перерастали, как правило, в жаркие ссоры. И все же, мемуарист отдает себе отчет в том, что хоть это и пахло скандалом, полемика в трактире была несравнимо живее, чем продемонстрированное Вазовым высокомерие. После встречи с Вазовым Федоров почувствовал себя обиженным (с. 185). А в дни, когда отмечался последний юбилей Вазова, — и весьма огорченным. В день праздника Федоров вместе со своим классом «принял участие в торжественной манифестации и отдал дань уважения юбиляру, приветствовавшему с балкона своего дома толпу» (с. 185). Вероятно, он надеялся на то, что Вазов пригласит его подняться «наверх» к гостям юбилейного комитета. Этого не произошло, и в несостоявшемся приглашении, по Чилингинову, скрывается причина «личной неудовлетворенности» Федорова тем, что его «не сочли единственным крупным русским писателем у нас» (с. 185).

С точки зрения пережитого разочарования, показателен финал этого «мотива». На юбилее Ц. Церковского, отмечаемом в его родной деревне Бяла Черква, Федорова чествовали официально: во время церемонии его пригласили занять «одно из самых почетных мест» среди официальных гостей (с. 186).

Это смещение перспектив — Бяла Черква не может равняться столице точно так же, как Цанко Церковский не равен Вазову, намекает на актуальность предположения об оскорбленном творческом самолюбии.

Живопись. В существующих исследованиях отмечается, что важной частью софийской жизни Федорова становится регулярное участие в выставках местных русских художников-эмигрантов. Чилингинов, со своей стороны, снова удивляет, предлагая нам неожиданное объяснение этому устойчивому публичному образу писателя — одержимого, полностью отданного своему увлечению живописью. В глазах мемуариста, однако, за этим кроется непонятная «склонность» (с. 187) к тому, чтобы другие воспринимали его преимущественно как художника. Чилингинов исключительно конкретен, когда характеризует этот факт как «непонимание самого себя» и «самовозвеличение» (с. 187). Он недвусмысленно утверждает, что живопись не что иное, как прихоть поэта. Федоров спокойно относится к негативной критике своей поэзии, но болезненно реагирует на любой намек на незавершенность своих картин. Чилингинов проницательно объясняет такую реакцию как выражение слабости: «Это закон психики — ставить выше и защищать то, чем не вполне владеешь. И то, что другие не видят в нас, мы спешим посчитать своим достоинством и навязать его им» (с. 187). Иными словами, будучи уверенным в своем настоящем призвании и внутренней интуиции, поэт Федоров настаивает на том, что он прав. Поэтому он и игнорирует критику. А самовлюбленный дилетант относится к другим своим артистическим начинаниям с болезненной ревностью именно потому, что лишен критериев художественно-эстетической нормы.

¹¹ Чилингинов познакомил их друг с другом в своем кабинете в Национальной библиотеке; он, вероятно, с точностью записал разговор. Однако из «Воспоминаний» не становится ясно, встречались ли поэты снова. Он не сообщает, говорилось ли во время встречи Вазова и Федорова о возможном отъезде русского поэта в Париж. В целом подчеркнутая формальность в поведении Вазова как бы подсказывает, что другого разговора между ними не состоялось.

Семья. Такой «мотив», как самостоятельный и обособленный, отсутствует. На самом деле Чилингилов уделяет особое внимание только судьбе сына Федорова — Виктора. Федоров говорит о нем эмоционально и трогательно, упоминая новости, узнанные из писем, или подробности состоявшихся встреч, когда он приезжал к сыну в Румынию. Эта отцовская забота о сыне раскрывает глубокие и теплые человеческие чувства. Но в глаза бросается совсем другое. Рассказ Чилингилова связывает представление Федорова о семье и родных, о своих родственниках, только с судьбой Вити. Об оставшейся в Одессе жене проскальзывают отрывочные реплики (она «там», отмечается также и ее смерть). Так же отчужденно автор вспоминает и новое близкое окружение, семью Желязовых. В воспоминаниях просто фиксируется ее существование. Это «семья, в доме которой он (Федоров. — Х.М.) смог найти приют» (с. 189); это «семья, в которой он живет» (с. 189); «Каждое лето Федоров проводил в деревне Калище у семьи Желязовых» (с. 195).

Творчество. Эта тема разворачивается в двух «мотивах», соотнесенных между собой как «форма» и «содержание». Первый из них относительно подробно описывает то, что Федоров создал в Софии. Параллельно этому и благодаря тому факту, что Чилингилов пристально следил за его развитием, второй мотив характеризует процесс творчества.

Мемуарист, вероятно, единственный в нашей стране, у кого сложилось ясное эстетическое представление о целостном творчестве русского писателя в его различных жанровых и стилевых проявлениях. Чилингилов хорошо знал дореволюционные произведения Федорова, представленные в фондах Национальной библиотеки, а также по книгам, которые русский автор привез. А что касается того, что Федоров написал в Болгарии, как правило, почти всегда он был первым читателем (с. 192). Именно эта вовлеченность в творческий процесс Федорова позволяет нам относиться с доверием к непосредственному художественному переживанию Чилингилова, который, исходя из своего знания этого автора, способен предложить определенную оценку. Он представил Федорова в ипостасях прозаика, поэта, мемуариста; они подолгу обсуждали каждое новое стихотворение, вышедшее в печати. Вот почему он настаивает на том, что главным творческим делом, занимавшим мысль Федорова во все его болгарские годы, стал роман, который писался все время «после приезда в Болгарию и до его смерти» (с. 192). Иными словами, в течение почти тридцати лет писатель-эмигрант постоянно работал над текстом, желая создать «эпопею современности», раскрывая «пережитое от Октябрьской революции до наших дней» (с. 192) и предлагая «достоверный документ времени» (с. 193), изменившем коренным образом судьбу России.

Литературная жизнь Федорова в эмиграции хранит тайну о неосуществленной книге. Неудача двух подготовленных рукописей — «Антологии болгарской народной поэзии», затерявшейся в кабинетах Министерства просвещения, и книги воспоминаний о русских писателях, застрявшей в архивах «Союза советских писателей» в Москве, усугубляется мистическим ощущением предопределенности судьбы. Чилингилов очень осторожно пишет о несостоявшейся книге, стараясь избежать каких-либо крайних оценок. Может быть, именно потому, что он хорошо знает ситуацию «изнутри». И, как собрат по перу, он осознает всю сложность этого момента творческого процесса. Он недвусмысленно высказывается, что в таком положении дел виноват и сам Федоров. Тезис Чилингилова заключается в следующем: «Федоров был из тех писателей, которые не умеют работать во имя собственной литературной славы» (с. 193).

Можно согласиться, что эта корректная оценка стала результатом многих непосредственных и обдуманых наблюдений. Даже и впоследствии, записывая свои воспоминания, он не понимал, чего именно ожидал его друг. В ситуации благоприятной конъюнктуры, когда определенные интеллектуальные круги у нас выказывали явное расположение к его искусству, Федоров не подготовил даже книгу своих произведений, переведенных на болгарский язык за все годы жизни здесь (с. 194). Мемуарист ясно дает себе отчет, что писатель пребывал в сложном психологическом состоянии. Однако он искренно признается, что за все эти годы он так и не нашел разумного объяснения, почему книга осталась неизданной — эта тема всегда встречала странное равнодушие со стороны Федорова. На самом деле он никогда не прекращал писать, ценностное отношение к своему творчеству у него не изменилось. Поэтическая плодотворность и в то же время безразличие к публикациям, уверенность и, с другой стороны, внутренняя нерешительность сосуществовали в его творческой жизни. Федоров все же никогда не сомневался в своем призвании поэта. Позволяя себе высказать гипотезу, опираясь на существующие библиографии, что эта «ситуация», скорее всего, относится к периоду 1940-х годов, когда имя русского писателя почти исчезло со страниц болгарской и русской эмигрантской периодики. Чилингиров не может смириться с тем, что Федоров добровольно обрек себя на молчание, которое контрастирует с его былой сверхактивной публикационной деятельностью.

Пафос «Воспоминаний» Чилингирова направлен против забвения. Мемуарист настаивает на том, чтобы мы помнили, что в годы изгнания Литература, хотя постоянно меняла формы своего бытия, но всегда присутствовала в жизни Федорова. Литература трансформировалась в перевод, лекцию и беседу, Литература становилась воспоминанием о прошлом, более того — рефлексией этого прошлого, воспроизведенной в исповеди в застольной беседе. А в последние годы Литература стала темой ежедневных разговоров между писателями (с. 192). А дальше? Дальше разговор вырастает в сущностный момент творения Литературы. Разговор — это спасение, дающее надежду, чтобы идти вперед, несмотря на то что приходится погружаться в одиночество бытия; разговор дает надежду на то, что можно продолжать в смирении наполнять жизнь смыслом именно благодаря художественному. И так до следующей встречи с этим единственным спасающим тебя читателем-слушателем.

Скрытый мотив. Предложенная сеть «мотивов», несмотря на их множественность, осталась бы поверхностным наблюдением, если бы не смогла уловить главное переживание, т.е. выявить ту центральную типологию, которая охватывает полностью изнутри жизнь человека, героя текста. В конце концов это цель любых мемуаров. Важно не только заявить «я знал X», но и реконструировать его психологическую личность, показать незримое, прикрытое маской видимого пребывания в настоящем. И тем самым обозначить проблемы в его бытии и смысле его жизни.

Чилингиров полагает, что у Федорова таким скрытым мотивом, основополагающим для его экзистенциального состояния, является «боль», понимаемая как психологическое состояние, в котором индивид постоянно пребывает. «Боль» приобретает разные эмоциональные оттенки в зависимости от конкретного случая и социального момента.

У Федорова, после того как он оказался в новой среде, она проявляет себя в понимании, что жизнь принуждает его стать социально другим, перестать быть самым собой, так как надо выжить. Там он был творцом. Писать для

него — как ни парадоксально — не было трудом, потому что это было само существование. *Здесь* он вдруг осознает, что пребывает в пустоте, потому что должен существовать в скудных условиях, в постоянных лишениях. Вот его мысли, которыми он делился с Чилингиновым: «О, это ужасно, когда человек остается без работы и без родины!» (с. 189). По поводу Родины, кажется, все понятно. Но фраза о «работе» заслуживает особого внимания.

Очевидно, это наблюдение стремится к универсальности, чтобы подвести под общий знаменатель судьбы всех русских изгнанников. В то же время видно, что желание обобщить сталкивается с чувством личной экзистенциальной боли. Здесь писать больше *не является* трудом. Это уже убеждение, конкретный социальный опыт, связанный с той страшной истиной, что для того, чтобы выжить здесь, он *должен заняться чем-то другим*. Это «другое» пугает своей неизвестностью и одновременно ужасает, поскольку разрушает прежнюю идентичность. Творец оказывается лицом к лицу с пустотой какого-то чужого бытия. Чтобы писать, уже требуются другие усилия, преодоление бытия, и это единственная возможность для духовного выживания.

Однако к такой коренной перемене дух адаптироваться не успевает. В чем и проявляется суть переживаемой экзистенциальной боли — она рождается из понимания наступившего социального обезличивания, а также из потребности смириться с навязанной ему извне другой (новой) жизнью.

В ходе изложения мы увидели, что боль принимает конкретные и непосредственные облики. Это и огорчение от отношения к нему Ивана Вазова и некоторых болгарских писателей, это и беспокойство отца за судьбу сына, и интеллектуальная драма художника из-за несостоявшейся книги. Впрочем, вряд ли можно считать случайным то, что в основном до конца жизни боль ассоциируется с этими двумя утратами: с несостоявшейся книгой и пропавшим сыном. Размышляя о самых личных душевных переживаниях, которыми делился с ним Федоров, Чилингинов создает образ творца, болезненно переживающего духовные травмы.

Перейду к выводам о «Воспоминаниях» и остановлюсь на значимой детали: в тексте отсутствует описание внешности Федорова. Можно задаться вопросом: какой же образ своего «объекта» они создают — он присутствует без лица, без физического тела? Лицо, портрет остались где-то в сознании мемуариста, но для читателей они недоступны. Нет взгляда, тембра голоса, жестов, одежды, т.е. нет чувства конкретного присутствия героя мемуаров. И если мы не видели Федорова на фотографиях, то *этот рассказ* не поможет нам физически ощутить его и дотронуться до него. Мы можем остановиться на модальности дискурса и предложить язвительное обобщение: из этого рассказа мы узнаем о Федорове, но Федоров ли *это*?

Мемуарист рассматривает встречу с русским писателем-эмигрантом сквозь призму «дружбы». Какой бы искренней она ни была, это все-таки лишь один из фактов жизни иностранца в эмиграции. Дружбой нельзя заполнить все его бытие в Болгарии.

В последний год своей жизни Федоров резко ограничил круг общения. Он предпринимал ежедневные прогулки в тогдашнем Парке свободы в Софии то с Чилингиновым, то со «своим другом Жовнером, бывшим судьей в царской России», с которым «обычно [...] часами сидели на скамейке в центральной аллее» (с. 196). О чем двое русских говорили часами и почему его, болгарина-иностранца, не приглашали принять участие в их беседах? Иными словами, «встреча» явлена, ее видит посторонний, и это все. Она не углубляет знания

о жизни Федорова. Мне хотелось бы подчеркнуть, что, когда мы оцениваем «Воспоминания», мы должны отдавать себе отчет в актуальности этого внутреннего расхождения между «своим» и «чужим».

На роман «Мундир без погон» русский писатель написал подробную рецензию. В ней, помимо общей положительной оценки, он адресует болгарскому автору любопытную критику. Оказывается, Чилингиров, несмотря на общий верный художественный взгляд и творческую интуицию, необходимые для изображения общественных процессов на начальном этапе прибытия эмигрантов в Болгарию, недостаточно глубоко знает жизнь русских. Пример этой неосведомленности Федоров находит в том, что неверно показано то значение, которое Церковь и Бог имеют для русской жизни: «Многочисленные сцены, в которых русские и болгары участвуют вместе, происходят в ресторанах, и ни на одной странице не упоминается Русская церковь, играющая столь значительную роль в суровой жизни русской эмиграции и являющая собой не только собрание верующих, но и нечто вроде живого и светлого острова, частицы живого тела России» (цит. по [Димитров 2010, 154]). Это означает, что Чилингиров как писатель верно уловил многие точные детали, за которыми он наблюдал, но не почувствовал, что в глубине своей бытовой жизни русские испытывают переживания, вызванные эмоциями и проблемами, о существовании которых творческое сознание и не подозревает.

Это критическое замечание Федорова помогает посмотреть на «Воспоминания» и с другой точки зрения. Автор мемуаров рассказывает в них об иностранце, которого он знает только в его повседневной жизни в Болгарии. Этот взгляд свидетельствует о жизни, всегда наблюдаемой «извне», но не «изнутри» встречи. Потому что за этим «извне» скрывается нечто другое, и эти поступки, эмоции и философия остались для мемуариста неизвестными. Не имеет значения, идет ли речь о «менталитете», «собственном образе жизни» или о «религиозном самосознании». Важнее понять, что Чилингиров предлагает нам относительно объемный образ *только* «болгарского Федорова», т.е. мы видим лишь его социализацию в болгарском интеллектуальном пространстве. Но этого ни в коем случае не достаточно, чтобы утверждать, что воспоминания помогли нам познать всю полноту жизни Федорова в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гичева Н. Поетът Александър Фьодоров // Бялата емиграция в България. София: ИК ГУТЕНБЕРГ, 2001. С. 237–243.
- Димитров Ем. Стилиян Чилингиров и Александър Митрофанович Фьодоров // «Погасло дневное светило». Руска литературна емиграция в България (20-те – 40-те години на XX век). София: Академично издателство «Професор Марин Дринов», 2010. С. 146–160.
- Димитров Ем. [Встъпление] // Чилингиров Ст. 2010. С. 161.
- Луиц С.З. Реальный комментарий к повести // В. Катаев. Уже написан Вертер. Одесса: Оптимум, 1999. [Серия Общества «Одесский мемориал», вып. 8]. 232 с.
- Пенчева Р. Неизвестен спомен на Стилиян Чилингиров за големия руски писател А.М. Фьодоров // Библиотека. София, 2020. № 5. С. 78–127.
- Решетникова О. «В своей земле и крот сильнее льва». (О судьбе русского писателя-эмигранта Александра Федорова) // Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. <https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_chuzho_zemle_i_krot_silnee_lva_2008-05-23.htm> (дата обращения: 17.03.2022).
- Федоров А.М. Как прекарахме новата година // Мир. 1926. Г. XXXII. Бр. 7959.
- Чилингиров Ст. Шинел без погони. Роман. София: Книгоиздателство Ив.Г. Игнатиев & синове, [1928]. 286 с.

Чилингиров Ст. Александър Митрофанович Феодоров. [Спомени] / публикация, встъпление и коментар Ем. Димитров // «Погасло дневное светило». Руската литературна емиграция в България (20-те – 40-те години на XX век). София: Академично издателство «Професор Марин Дринов», 2010. С. 161–200.

Рукопись поступила в редакцию 31.10.2022
 Рукопись принята к печати 22.01.2023

REFERENCES

- Chilingirov St. *Shinel bez pogoni. Roman*. Sofiya, Knigoizdatelstvo Iv. G. Ignatiev & sinove Publ. [1928], 286 p. (In Bulg.)
- Chilingirov St. Aleksandŭr Mitrofanovich Feodorov. [Spomeni], publikaciya, vstŭplenie i komentar Em. Dimitrov. «Pogaslo dnevnoe svetilo». *Ruskata literaturna emigraciya v Bŭlgariya (20-te – 40-te godini na XIX vek)*. Sofiya, Akademichno izdatelstvo «Profesor Marin Drinov» Publ., 2010, pp. 161–200. (In Bulg.)
- Dimitrov Em. Stiliyan Chilingirov i Aleksandŭr Mitrofanovich F’odorov. «Pogaslo dnevnoe svetilo». *Ruskata literaturna emigraciya v Bŭlgariya (20-te – 40-te godini na XIX vek)*. Sofiya, Akademichno izdatelstvo «Profesor Marin Drinov» Publ., 2010, pp. 146–160. (In Bulg.)
- Dimitrov Em. [Vstŭplenie] // Chilingirov St. 2010, p. 161. (In Bulg.)
- Feodorov A. M. Kak prekarahme novata godina. Mir, 1926, g. XXXII, br. 7959. (In Bulg.)
- Gicheva N. Poetŭt Aleksandŭr F’odorov. *Byalata emigraciya v Bŭlgariya*. Sofiya, IK GUTENBERG Publ., 2001, pp. 237–243. (In Bulg.)
- Lushchik S. Z. Real’nyj kommentarij k povesti. Kataev V. *Uzhe napisan Verter*. Odessa, Optimum Publ., 1999. [Seriya Obschestva «Odesskij memorial», vyp. 8]. (In Russ.)
- Pencheva R. Neizvesten spomen na Stiliyan Chilingirov za golemiya ruski pisatel A. M. F’odorov. *Biblioteka* (Sofiya), 2020, no. 5, pp. 78–127. (In Bulg.)
- Reshetnikova O. «V svoej zemle i krot sil’nee l’va». (O sud’be russkogo pisatelya-emigranta Aleksandra Fedorova). *Stoletie. Informacionno-analiticheskoe izdanie fonda istoricheskoy perspektivy*. <https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_chuzho_zemle_i_krot_silnee_lva_2008-05-23.htm> (accessed: 17.03.2022).

Received on 31.10.2022

Accepted on 22.01.2023

Информация об авторе:

Манолакев Христо Петров

доктор филологических наук, профессор
 Велико-Тырновский университет
 им. свв. Кирилла и Мефодия
 г. Велико Тырново, Болгария
 ORCID: 0000-0002-3425-2607
 E-mail: h_manolakev@abv.bg

Information about the author:

Hristo P. Manolakev

DSc. (Philology), Professor
 St. St. Cyril and Methodius University
 of Veliko Tarnovo
 Veliko Tarnovo, Bulgaria
 ORCID: 0000-0002-3425-2607
 E-mail: h_manolakev@abv.bg